

языческих прорицаний! Это придало новую силу нападкам на христианство. Чтобы отразить их, приступил к своему делу св. Августин. В 413 г. он писал: «Между тем, осажденный готами под предводительством их короля Алариха, Рим взят и обращен в развалины. Почитатели ложных богов, которых мы называем язычниками, обвиняя в этом христианскую религию, начали изливаться в более горьких, чем обыкновенно, жалобах и в более ожесточенных, чем обыкновенно, обвинениях против истинного Бога. Поэтому пылкая ревность о доме Господнем вложила мне в руку перо, чтобы противостоять их богохульствам и заблуждениям: я начал писать труд «О Граде Божиим» («Пересмотры», II, 43). Это труд огромного значения по оказанному им влиянию на христианскую мысль, так как им вдохновлялись все политические учения средневековья. Град, о котором повествует Августин, ясно определен в самом начале произведения. Его основатель и царь — Бог; он жив верой: *ex fide vivens*; он странствует среди нечестивых: *inter impios peregrinatur*; конец его странствия — небо: *in stabilitate sedis aeternae**. Речь, следовательно, идет об обществе, по своему происхождению и своей сущности сверхприродном, — о *Civitas Dei***, оно временно смешано с другим обществом, которое не живет верой—*civitas terrena****. Христиане по необходимости принадлежат и к тому, и к другому граду. Они не только граждане государства, но их религия возлагает на них обязанность быть безупречными гражданами; единственное различие состоит в том, что жители одного только земного града делают это, — ког-Да делают, — из благоговения перед своей страной, а христиане — из благоговения пе-РеД Богом. Это различие в мотивах, однако, не

мешает практическому согласию в проявлении общественных добродетелей. Язычники обладают определенной природной доблестью (*quamdam sui generis probitatem*), которая когда-то принесла величие Риму; сверхъестественные добродетели христиан возлагают на них те же обязанности по отношению к государству, и поэтому нет причин, чтобы оба града не могли существовать в согласии. Таков сам провиденциальный смысл величия Рима: «В невиданном процветании и блеске Римской империи Бог показал, на что способны гражданские добродетели даже вне истинной религии, чтобы люди поняли, что при добавлении этой последней люди становятся гражданами другого града, царь которого — Истина, закон — Любовь, а мера — Вечность».

Рассматриваемый с точки зрения его назначения, Град Божий должен привести людей к тому счастью, которого ищут все, но которого земной град дать не в состоянии. То, что он не способен на это, признают сами его наставники, то есть философы. Они повсюду искали мудрости, которая должна была сделать человека счастливым, но не нашли ее, потому что вели поиск только с помощью разума: «*quia ut homines humanis sensibus et humanis ratiocinationibus ista quaesierunt*****» (XVIII, 41). Напротив, Град Божий надежен, ибо он, ведя людей к счастью, основан на авторитете Бога. Достаточно сравнить эти два рода мудрости, чтобы тотчас увидеть разницу. У язычников имеется 288 возможных рациональных решений нравственной проблемы; в Церкви признаётся только единственное, сформулированное небольшим числом святых писателей, которые все утверждают одно и то же. Итак, с одной стороны — множество философов, ученики которых разбросаны по ничтожным сектам; с другой стороны — малое число святых писателей, находящихся в согласии друг с другом, и огромное множество их последователей.

Этим объясняется фундаментальное отличие отношения Церкви к философии от отношения к ней языческого государства, которое в принципе безразлично к тому, чему